

УДК 81'232; 81'373.222

ОБ ОБРАЗЕ ЗАЙЦА В НАИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Полина Михайловна Эйсмонт

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, ауд. 53-06. polina272@hotmail.com

В статье на примере анализа ментальных образов «заяц» и «кролик» рассматриваются особенности формирования и функционирования близких понятий в русской и английской языковых картинах мира (далее – ЯКМ). Анализ основывается на данных словарей и результатах серии экспериментов с взрослыми носителями русского и английского языков. Кроме того, на материале эксперимента с русскоязычными детьми в возрасте 4–7 лет прослеживается процесс формирования ментального образа в онтогенезе. Проведенный анализ показал зависимость функционирования ментального образа в ЯКМ в первую очередь от культурно-лингвистической информации и особенно от личного опыта и узуса, а не от энциклопедических и бытовых знаний, составляющих ядро ментального образа. При упоминании того или иного объекта у носителей обоих языков в первую очередь активизируются связанные с ним ассоциации, полученные при помощи разных органов чувств – осязания, зрения, вкуса и т.д. Разграничение двух близких ментальных образов происходит в возрасте 5 лет, когда формируется ядро ментального образа на основе чувственного опыта, а культурно-лингвистические знания конкретизируют сформировавшиеся образы уже после 6-летнего возраста. Сравнение ментальных образов «зайца» и «кролика» в русской и английской ЯКМ показал, что ментальному образу «заяц» в наивной ЯКМ носителя русского языка в английской наивной ЯКМ соответствует ментальный образ «rabbit».

Ключевые слова: языковая картина мира; ментальный образ; развитие речи; энциклопедические знания; культурно-лингвистические знания; личностные знания.

doi 10.17072/2037-6681-2016-3-41-51

1. Введение

Поводом для настоящего исследования стало наблюдение, сделанное мной при проведении экспериментов по изучению спонтанного нарратива у детей и взрослых [Эйсмонт 2008; 2011]. В ходе эксперимента перед испытуемыми, среди которых были русскоязычные взрослые, англоязычные и русскоязычные дети 7–8 лет, стояла задача комментировать предъявляемый им мультфильм, персонажами которого были котенок, зайцы, медвежонок и бобры. В результате оказалось, что 95% русскоязычных испытуемых (и детей, и взрослых) опознали одних персонажей как *зайцев* (далее в тексте – *З.*), в то время как 100% англоязычных испытуемых использовали для их обозначения наименование *rabbit* или *bunny*, т. е. *кролик* (далее в тексте – *К.*).

В связи с этим и возник вопрос, лежащий в основе данной статьи: каков же образ *З.* и *К.* у носителей русской и английской языковой картины мира (далее в тексте – ЯКМ)? Насколько мы можем доверять данным переводных словарей, если оказывается, что визуальное восприятие одного и того же животного актуализирует у говорящих на разных языках разные наименования? Как формируются эти образы в онтогенезе и в каком возрасте эти ментальные представления окончательно дифференцируются?

В следующем разделе статьи раскрываются общие положения, касающиеся структур ментальных образов (далее в тексте – МО) и особенностей их формирования в онтогенезе; в третьем разделе представлены данные толковых и энциклопедических словарей. В первой части четвертого раздела обсуждаются результаты проведен-

ных экспериментов с носителями русского и английского языков; результаты эксперимента с русскоязычными детьми в возрасте 5–7 лет анализируются во второй части раздела. Наконец, в пятом разделе подводятся итоги проведенного исследования.

2. Структура МО

Основным понятием в данной статье является МО, т. е. то содержание, которое ассоциируется носителем языка с конкретной номинацией. Содержание, активизирующееся в сознании говорящих на разных языках, при наименовании на первый взгляд одного и того же объекта может быть совершенно разным. Подобные слова иногда называют в литературе «непереводимыми», но помимо слов, обозначающих специфические национально-культурные реалии [Вежица 1999], такими не вполне переводимыми могут подчас оказаться и достаточно частотные, «обычные» слова. Одной из главных причин этого является сложная структура соответствующих МО, состоящих из знаний и ассоциаций разного типа и разного происхождения. Эти МО являются неотъемлемой частью ментального лексикона, под которым понимается «совокупность знаний, группирующихся «вокруг» слова, и всех сведений, вытекающих из осознания его связей с другими словами и другими оперативными единицами сознания (концептами¹)» [Кубрякова 2004: 382].

Содержание МО сформировано из 4 основных видов знаний – энциклопедического, культурно-лингвистического, бытового и личностного [Levelt 1993; Langacker 1988; Залевская 2005]. Дать исчерпывающее единое для всех носителей данного языка описание содержания МО не представляется возможным, поскольку словарные описания хотя и «отражают языковую ментальность носителей конкретного естественного языка», но лишь «отчасти показывают степень представленности концепта в сознании носителей языка» [Бердникова 2000: 35]. Полнота ассоциируемого с той или иной номинацией содержания всегда зависит от личного опыта говорящего, наличия или отсутствия практического взаимодействия с называемым объектом, от знания им иностранных языков, от знания культурной специфики родного и иностранных языков, от актуализации этих знаний в тот или иной период времени.

Структура знаний представляет собой иерархическую систему, которая меняется в течение жизни индивида [Леонтьев 2001]. Ядро МО составляет эмпирический образ объекта, который формируется в результате чувственного восприятия конкретного объекта. Оболочка этого ядра

состоит из рефлексивной (рациональной) информации, которая накапливается в течение жизни в результате общения, познания, обучения и культурного развития [Стернин, Розенфельд 2008]. В онтогенезе сначала формируется образное представление объекта, на которое в дальнейшем «нарастает» рациональная составляющая. Процесс формирования МО всегда подвижен и, по-видимому, бесконечен, поскольку обусловлен «взаимодействием различных видов знания, при этом сама база знаний рассматривается как саморегулирующаяся и самоорганизующаяся система, которая характеризуется подвижностью и изменяется на основе новых знаний» [Лебедева 2002].

Основными источниками формирования МО являются непосредственный сенсорный опыт, накапливаемый в ходе операций ребенка с конкретными предметами, мыслительные операции с близкими или схожими понятиями, языковое общение во всех его формах (общение с окружающими взрослыми и сверстниками, знакомство с литературой, фольклором, произведениями искусства, народными ремеслами, видео- и аудиопродукцией, компьютерными играми и т. д.). В результате формируется достаточно устойчивое представление о предмете, в котором собраны наиболее яркие внешние, т. е. чувственно воспринимаемые признаки предмета. Языковое общение способствует облечению таких представлений в знания, которые отражают специфическую языковую культуру взаимодействия с предметами и соответствующими представлениями, правила и стереотипные нормы их обработки. Именно эти знания и влияют на выбор носителями разных языков подходов к структурированию мира и выделению в нем ключевых понятий, особенностей национально-языковых представлений о мире.

Таким образом, в данной работе под МО понимается весь комплекс знаний – энциклопедических, бытовых, культурно-лингвистических, ассоциативных, а также чувственно воспринимаемые характеристики объекта, активизирующиеся у слушающего или говорящего при употреблении соответствующего вербального элемента языка.

3. Заяц и кролик в словарях

Согласно данным энциклопедических словарей, *З.* и *К.* относятся к семье зайцевых. Всего насчитывается 11 родов, 23 вида *З.* и более 30 видов *К.* и *З.*, и *К.* распространены по всем континентам, кроме Антарктиды, однако для последних исходный ареал ограничивается южной Европой, а на остальные территории *К.* был завезен человеком. Естественная среда обитания *З.* и

К. – негустые леса, перелески, луга, низкие кустарники, степь.

Основные различия между З. и К. заключаются в следующем:

– З. не поддается одомашниванию; в отличие от него, К. могут быть и дикими, и домашними, причем число домашних пород значительно превышает количество существующих диких видов;

– З. заметно крупнее К. (разница может достигать 20–25 см и 4–5 кг); у них более длинные уши и более сильные задние ноги, в результате чего З. лучше прыгают и быстрее бегают;

– З. меняют окрас шерсти в зависимости от сезона с более серого на беловатый или на бурый; в отличие от них, К. окрас в течение года не меняют, а шерсть домашних К. может быть самых разнообразных оттенков, в частности пятнистой;

– З. не строят для себя специальных жилищ, ночуют под корнями деревьев, под камнями и в прочих естественных убежищах; К. роют норы;

– З. размножаются только в теплое время года (с весны до поздней осени), давая до 3 пометов в год; К. размножаются круглый год;

– новорожденные зайчата приспособлены к жизни – имеют шерсть, хорошее зрение и слух; зайчиха оставляет их и может позаботиться о чужих, случайно встреченных детенышах; крольчата рождаются слепыми и слабыми, нуждаются в заботе матери.

Русскоязычные толковые словари дают следующие практически идентичные определения З. и К. [Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984]:

– ЗАЯЦ – небольшой, пугливый зверек отряда грызунов, с длинными задними ногами и длинными ушами. *Заяц-русак*. || мех этого животного;

– КРОЛИК – небольшой родственник зайцу зверек из отряда грызунов. *Дикий кролик. Домашний кролик*. || мех этого животного.

Помимо этого у «З.» есть еще два разговорных значения, которых нет у «К.», и указаны два фразеологизма со словом «З.»:

2. *разг.* То же, что зайчик (во 2-м знач.);

3. *разг.* Пассажир, не имеющий билета, или зритель, проникший без билета куда-л.;

◇ убить двух зайцев; гоняться {(или гнаться, погнаться)} за двумя зайцами, стремиться выполнить одновременно два разных дела, достичь двух различных целей.

Отсутствие у слова «К.» переносных и разговорных значений, а также устойчивых сочетаний позволяет сделать вывод о недостаточной освоенности языком этого наименования. Слово «К.» является заимствованием из польского языка XVIII в. [Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / под ред.

Н. М. Шанского. М.: Дрофа. 2004] и до сих пор включается в словари иностранных слов [Толковый словарь иностранных слов / под ред. Л. П. Крысина. М.: Русский язык, 1998].

Англоязычные толковые словари определяют З. (hare) и К. (rabbit) так: [Collins English Dictionary. Complete and Unabridged. Sixth Edition/ ed. J. Butterfield. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2004]:

– **hare** 1. (Animals) any solitary leporid mammal of the genus *Lepus*, such as *L. europaeus* (European hare). Hares are larger than rabbits, having longer ears and legs, and live in shallow nests (forms).

2. *make a hare of someone (Irish)* to defeat someone completely.

3. *run with the hare and hunt with the hounds* to be on good terms with both sides.

Vb 4. (*intr*; often foll by *off, after, etc*) *Brit* to go or run fast or wildly.

– **rabbit** 1. (Animals) any of various common gregarious burrowing leporid mammals, esp *Oryctolagus cuniculus* of Europe and North Africa and the cottontail of America. They are closely related and similar to hares but are smaller and have shorter ears.

2. (Textiles) the fur of such an animal.

3. (General Sporting Terms) *Brit* a novice or poor performer at a game or sport.

Vb 4. (Hunting) (*intr*) to hunt or shoot rabbits.

5. (*intr*; often foll by *on or away*) *Brit* to talk inconsequentially; chatter².

В качестве основных различительных черт указывается размер (*Hares are larger than rabbits, having longer ears and legs; They are closely related and similar to hares but are smaller and have shorter ears*) и особенности проживания (З. – это ЛЮБОЙ представитель зайцевых, проживающий вне группы). Кроме того, в английском языке переносные значения появились у слова «rabbit», которое соответствует русскому «К.», однако фразеологизмы указаны только в статье для слова «hare». Таким образом, можно сказать, что для английского языка оба эти слова являются достаточно освоенными, своими.

Культурно-лингвистические особенности МО З. и К. обнаруживаются в лингвострановедческих словарях, словарях синонимов, фразеологических словарях, словарях пословиц и поговорок и мн. др.

В русском языке богатый культурно-ассоциативный фон сформировался в связи с понятием З., которое фигурирует в большом числе поговорок (*за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь; сказывать зайца в верше, щуку в капкане*), пословиц (*Зайца ноги носят, волка зубы кормят, лису хвост бережет; Не ищи зайца в бору: на опушке сидит*), фразеологизмов

(хоть зайца гоняй; за копейку зайца догонит), детских стихов (раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять; трусишка-зайка серенький под елочкой скакал...), народных сказок (Заячья избушка; Лиса и заяц), литературных и кинопроизведений (Заяц во хмелю; Ну, погоди!), в традиционных свадебных обрядах и т.д. Те многочисленные устойчивые выражения, которые связаны с понятием *К.*, имеют иностранное происхождение и русской культуре не свойственны (кролик в шляпе, стонет кролик).

Иная картина предстает при анализе лингвострановедческих материалов о Великобритании и США. В англоязычной культуре значительно большую роль играют *К.* (*rabbit*), хотя и *З.* (*hare*) также представлены³. *З.* является элементом культурных традиций, связанных с охотой и Пасхой, а также в английских легендах существует персонаж *Белый З.*, который ассоциируется с ведьмой (в Корнуолле – с душой обманутой девушки), выходящей на улицы городов по ночам и приносящей неудачу. Однако сейчас и в этих традициях *З.* сменяется *К.* Например, в «Алисе в стране чудес» Л. Керролла фигурируют оба животных – March Hare (Мартовский Заяц) и White Rabbit (Белый Кролик), а типичным пасхальным героем в наше время становится Easter Bunny. Самыми известными литературными героями для носителя англоязычной культуры являются Мартовский Заяц и Белый Кролик из произведений Л. Керролла, кролик Питер (Peter Rabbit), придуманный Беатрис Поттер, герой «Сказок дядюшки Римуса» Джозеля Харриса Братец Кролик, мультипликационный герой удачливый кролик Освальд (Oswald the Lucky Rabbit) и др.

4. Эксперимент

Для исследования структуры образа *З.* и *К.* в ЯКМ носителей русского и английского языков, а также особенностей формирования этих понятий была проведена серия экспериментов. Материалом для эксперимента послужил опросник, включавший в себя 7 вопросов и 6 изображений.

Опросник был составлен из вопросов разных типов, что позволило выявить все основные типы знаний, формирующих структуру МО, – вопросы прямого толкования, ассоциативные и др. Вопросы прямого толкования (№ 3 и 4), а также вопрос «Чем различаются заяц и кролик?» направлены на выявление энциклопедических и бытовых знаний, составляющих каждый из исследуемых образов. Вопрос № 2 «Какое из этих названий для вас более частотное?» показывает сложившийся в языковой культуре узус употребления обоих наименований. Вопросы № 5 и 6 «Назовите по 3 эпитета к *З.* и к *К.*» актуализируют ассоциативные связи исследуемых понятий,

формирующие личностные знания. Вопрос № 7, отсылающий к бытующим в языке устойчивым словосочетаниям и выражениям с обоими наименованиями, выявляет культурно-лингвистические знания испытуемых.

Опросник был представлен на русском и английском языках.

В качестве испытуемых русскоязычного эксперимента выступили 22 взрослых носителя русского языка в возрасте 18–22 лет и 9 детей в возрасте от 4 до 7 лет. Англоязычный эксперимент проводился через Интернет. Англоязычную версию опросника заполнили 17 взрослых носителей английского языка в возрасте от 24 до 55 лет (из них для 7 человек русский язык являлся родным, хотя они постоянно проживали в англоязычной стране в течение длительного периода времени).

4.1. Образ зайца в ЯКМ взрослых носителей русского и английского языков

Анализ ответов взрослых носителей русского и английского языков позволил выявить как общие, так и различные черты в восприятии *З.* и *К.* представителями различных языковых культур.

Как оказалось, в целом взрослые носители русского языка достаточно хорошо разбираются в том, чем *З.* отличается от *К.* К основным чертам, различающим этих животных, относятся среда обитания (15)⁴; шерсть (12); уши (11); лапы (5); размер (5); пища (4); способ передвижения (4); 2 подвида одного и того же вида (2); наличие хвоста (1); их едят животные (1); форма глаз (1).

В предлагаемых описаниях *З.* фигурировали следующие характеристики: дикое мелкое животное, травоядное млекопитающее, грызун, обитает в лесах, меняет окрас шерсти дважды в год, имеет длинные уши, короткую шерсть и хвост, быстро бегают, кормит себя самостоятельно, питается корой деревьев, травами и более мелкими животными, имеет сильные задние лапы, проживает везде, кроме Антарктиды; более дикое животное, нежели кролик.

В то же время *К.* характеризуется как домашнее мелкое животное, травоядное млекопитающее, грызун, "одомашненный" вид зайца, с мягким мехом, питается травой, с длинными ушами и гладкой шерстью, его разводят для мяса, или меха, либо в качестве домашнего любимца. Кроме того, к основным чертам *К.* также относятся вислое уши, способность выводить потомство (правда, детеныши рождаются слепыми и голыми), качество мяса (оно съедобное), отсутствие хвоста.

Если сравнить эти два описания, окажется, что внешних различий для наивного носителя

языка между двумя видами зайцевых практически нет – более длинные уши и задние ноги у *З.*, некоторое различие в качестве шерстки (короткая шерсть у *З.* и гладкий мягкий мех у *К.*), наличие и отсутствие хвоста. Основное различие заключается в прирученности животного – *З.* ассоциируется исключительно с *диким животным*, в то время как *К.* является исключительно домашним, более того, воспринимается как тот же *З.*, но его *одомашненный вид*.

Почти все представленные определения отражают основные энциклопедические и бытовые знания об особенностях поведения, питания и размножения *З.* и *К.*, не считая наличия несколько неожиданных представлений о *З.* как о *травоядных животных*, которые тем не менее могут питаться и *более мелкими животными*.

Такое представление о *З.* как о хищнике нашло отражение и в полученных в ходе эксперимента от носителей русского языка ассоциациях. К понятию «*З.*» было получено 72 эпитета: *трусливый (9); быстрый (8); белый; дикий; косой (5); серый; хитрый (4); ловкий; пугливый (3); большой; длинноухий; пушистый; шустрый (2); бегающий; бурый; красивый; лесной; малый; меховой; мягкий; плодящийся; прыгающий; прыгучий; прыткий; русский; с большими ногами; сильный; смешной; ушастый; хищный; юркий (1)*. Полученные ядерные реакции (с частотностью более 10% ответов) совпадают с ядерными реакциями, указанными в Русском ассоциативном словаре (далее – РАС) [Караулов 2002], и большинство периферийных реакций также обнаруживается в списке типичных ассоциативных реакций носителей русского языка на стимул «*З.*» [там же].

В то же время абсолютное большинство полученных от участников эксперимента эпитетов к понятию «*К.*» не совпадают с ассоциациями к стимулу «*К.*» в РАС [Караулов 2002]: *пушистый (15); домашний (8); милый (7); мягкий (3); вкусный; грустный; дикий; спокойный (2); агрессивный; беззащитный; братец; веселый; вислоухий; дающийся на руки; декоративный; дружелюбный; жадный; зубастый; когтистый; ласковый; ленивый; лишай; маленький; медлительный; меховой; миленький; неуловимый; няшный; прикольный; пугливый; съедобный; теплый; умный (1)*.

Возможно, основной причиной этого расхождения является то, что большинство указанных эпитетов к понятию «*К.*» представляют собой оценочную и эмоциональную лексику, отражая личное отношение испытуемых к данному животному (*пушистый; милый; мягкий; вкусный; грустный; спокойный; агрессивный; беззащитный; веселый; дающийся на руки; дружелюбный; жадный; зубастый; когтистый; ласковый; ле-*

нивый; лишай; маленький; медлительный; миленький; неуловимый; няшный; прикольный; теплый; умный), в то время как значительная часть эпитетов, данных к понятию «*З.*», представляют собой энциклопедические или бытовые знания – общие для представителей одной языковой культуры (*быстрый; белый; дикий;; серый; большой; длинноухий; шустрый; бегающий; бурый; лесной; меховой; плодящийся; прыгающий; прыгучий; прыткий; русский; с большими ногами; сильный; ушастый*). Подобное распределение реакций позволяет предположить, что понятие «*З.*» является более общим и культурно обусловленным для носителей русского языка, а понятие «*К.*» оказывается индивидуализированным и в первую очередь определяется личным жизненным опытом⁵.

Значительную роль в организации МО играет культурно-лингвистическая информация, которая была представлена в ответах на вопрос № 7. Взрослые носители русского языка вспомнили 61 устойчивое сочетание с *З.* и только 33 высказывания с *К.* Среди устойчивых сочетаний, связанных с *З.*, преобладали элементы русского фольклора (*за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь; заяка-попрыгайка; дрожать как заячий хвост*); герои русской классической литературы (*дед Мазай и зайцы; под елкой зайчик серенький*); элементы городского фольклора (*ехать зайцем*) и др. В предложенных устойчивых сочетаниях с *К.* фигурировали заимствованные из западной культуры элементы, не свойственные русским традициям и фольклору: *братец-кролик; подопытный кролик; кролик в шляпе; Баггз Банни; быстрее чем кролики; Кролик Роджер; лунный кролик; пасхальный кролик; смотреть как кролик на удава* и др.

Для носителей английского языка слова **rabbit** и **hare** оказались практически синонимичными, что показали такие ответы, как *these words are technically interchangeable; (what is the difference between?) none*. Тем не менее среди различающих черт англоязычные испытуемые (так же, как и русскоязычные) назвали размер (*hares are larger, bigger*), длину ушей и ног, место проживания (*one is wild, one is farmed*).

Принципиальным отличием от ответов носителей русского языка является тот факт, что англоязычные испытуемые определяли **hare** через **rabbit**, т. е. последнее понятие (соответствующее в переводных словарях русскому *К.*) является для носителей английской ЯКМ основным:

– **rabbit is a cute, small furry animal, a hole dwelling herbivore mammal, a rodent, with long floppy ears, strong hind legs and a short cotton tail which hops around, eats carrots and is associated with the Easter holiday; a farmed hare;**

– **hare** is a wild type of rabbit but bigger, with long ears which lives in the woods; the same as a rabbit; a male rabbit

Данные определения (особенно последнее замечание о том, что *З.* – это самец *К.*) указывают, что в английской ЯКМ наивного носителя языка энциклопедические знания о данных животных представлены достаточно скупо по сравнению с бытовыми и культурно-лингвистическими. Это подтверждается и предложенными испытуемыми эпитетами к понятиям **hare** и **rabbit**:

– **hare**: *furry* (5); *cute*; *fast*; *quick* (3); *big*; *bigger than rabbit*; *brave*; *daring*; *fluffy*; *hops*; *jumpy*; *large-eared*; *little*; *rabbitlike*; *rodent*; *small*; *strong*; *timid* (1);

– **rabbit**: *furry* (6); *cute* (4); *fast* (3); *fluffy* (2); *jumpy* (2); *quick* (2); *small* (2); *funny*; *furball*; *fuzzy*; *hops*; *little*; *nimble*; *rodent*; *shy*; *unintelligent* (1).

Анализ приведенных эпитетов также демонстрирует синонимичность этих двух понятий для носителей английского языка, так как более 70% эпитетов, предложенных для **hare**, совпадает с эпитетами, предложенными для **rabbit**. В сравнении с эпитетами, данными носителями русского языка, бросается в глаза характеристика **hare** (*З.*) как *brave* (храбрый), *daring* (смелый), *timid* (скромный), что никак не соотносится с одной из основных для носителей русской ЯКМ характеристик *З.* как трусливого и пугливого существа.

Отдельный интерес представляют ответы на англоязычную анкету носителей русского языка, длительное время проживающих в англоязычной стране. В предложенных толкованиях и эпитетах они показали совершенно те же результаты, что и носители русского языка, отвечавшие на русскоязычную анкету (*different species (domestic, lives at the farm / wild, lives in the forest); different behavior; hare is faster; rabbit's ears are shorter; a rabbit does not change its color; hare is a wild furry animal, a rodent, with long ears and paws changing its colour from grey in summer to white in winter; hunted for his fur; rabbit is an animal like hare, but smaller; a domestic rodent, kept for its meat and fur, a very fast small animal with long ears; a pet bunny with long ears and paws*).

Однако в ответах на вопрос об устойчивых сочетаниях с **hare** или **rabbit** заметно преобладали элементы англоязычной культуры: *be as mad as a March hare; Bugs Bunny, if you run after two hares you'll catch neither; Peter Rabbit; who framed Roger Rabbit*.

Сравнительный анализ ответов, полученных от русскоязычных и англоязычных испытуемых, показал, что в основном представления о *З.* и *К.* у наивных носителей исследуемых языков схожи, однако некоторые различия присутствуют. Для носителей английского языка первичным

оказывается образ **rabbit**, через который они опознают и характеризуют образ **hare**. Интересно, что это не связано с проживанием *З.* и *К.* на территории Великобритании, которая является для них общим ареалом, однако, по-видимому, определяется исключительно традиционными историческими причинами, в частности, тем, что само семейство зайцевых называется на английском языке *the rabbit family*.

В отличие от этого, носители русского языка определяют основные черты *К.* через *З.* Это говорит о первичности для нашей языковой культуры именно *З.*, что логично следует из специфики первичного ареала дикого *К.*, ограниченно-территорией Южной Европы. Вероятно, это является также причиной того, что для большинства носителей русского языка *К.* является в первую очередь домашним, приручаемым и употребляемым в пищу животным, что отразилось в полученных в ходе эксперимента эпитетах.

4.2. Развитие образов зайца и кролика в онтогенезе

В эксперименте приняли участие 9 детей в возрасте 4–7 лет. Опрос детей проводился их родителями, которые получили анкету по электронной почте.

Анализ полученных результатов показал, что не все опрошенные дети в возрасте 4–5 лет знают слово «*К.*» и понимают разницу между этими двумя животными, однако в числе различающих их черт были названы только окрас и пища. Дети в возрасте 6–7 лет отмечали, что *З.* и *К.* – это *разные слова* (но не обязательно разные животные); *зайцы живут в лесу, а кролики живут в клетках*; у них разный окрас и размер, а также длина ушей.

Дети младшего возраста определили *З.* как *лесного зверька, маленькое животное, рыжее, с длинными ушами и коротким белым хвостиком, с поджатými ножками, мягкими ушами, мягкими ногами, которое ест морковь*. В отличие от него, *К.* *ест капусту* и у него *пушистый хвостик*, но в целом *это животное такое же, как заяц*. Дети старшего возраста уже смогли дать более развернутые определения этим животным, используя в них основные усвоенные элементы энциклопедического знания:

– *З.* – это *дикое животное (дикий кролик); не хищник, пушистый зверек, который живет в лесу и питается корой деревьев, бывает серым и белым и очень миленький, с длинными ушами и более сильными задними ногами; заяц – это взрослый кролик;*

– *К.* – это *некрупное домашнее животное, которое питается овощами, с длинными ушами; это пушистый зверек, который живет в клетке*

и низко прыгает; ему делают уколы от бешенства; это зверь для радости, который любит детей; кролик – это маленький заяц.

В приведенных определениях обращает на себя внимание присутствие путаницы между двумя животными (*З.* – это дикий кролик, заяц – это взрослый кролик; *К.* – кролик – это маленький заяц), а также включение в оба определения кроме объективной (энциклопедической) информации различных впечатлений от личного опыта общения с обоими животными (*З.* – очень миленький; *К.* – ему делают уколы от бешенства; это зверь для радости, который любит детей). Таким образом, можно сказать, что в возрасте 6–7 лет у детей на смену чувственному восприятию объекта, построенному на личном опыте, приходит более обобщенный образ, основным компонентом которого является энциклопедическая информация, однако в МО в этом возрасте энциклопедическая и чувственная информация достаточно равноправны.

Этот вывод подтверждается также анализом предложенных детьми эпитетов. Эпитеты, предложенные детьми младшего возраста для *З.* и *К.*, почти полностью совпадают и отражают личное чувственное восприятие животных: (**З.**) *очень пушистый, у него есть мех, водится в лесу, милый, добрый, красивый, белый, мягкий, гладенький;* (**К.**) *у кролика есть мех, очень мне нравится, тоже в лесу, красивый, добрый, любимый.* Дети старшего возраста предложили 19 эпитетов для *З.* и 11 эпитетов для *К.*:

– **З.:** *серый (когда лето) (3); трусливый (3); ушастый (3); белый (когда зима) (2); быстрый; дикий; домашний; зубы – лопаты; маленький; морковкоед; пушистый; травоядный (1);*

– **К.:** *бедненький; ворчливый; деревянный; длинноухий; добрый; домашний; ест морковку и кору; капустоед; кроленька; маленький; трусливый.*

Если сравнить данные эпитеты с ответами взрослых носителей русского языка, то окажется, что 73% указанных характеристик **З.** совпадают с данными эксперимента с взрослыми носителями русского языка, в то время как характеристики **К.** совпадают лишь в 19% случаев. Это подтверждает недостаточную сформированность образа **К.** в детской ЯКМ в сравнении с их довольно зрелыми представлениями об основных характеристиках **З.**

Вплоть до 7-летнего возраста культурно-лингвистическая информация осознается носителями русского языка достаточно плохо. Дети младшего возраста не смогли назвать ни одного устойчивого сочетания с упоминанием *З.* или *К.* Дети старшего возраста вспомнили 7 выражений, среди которых были детский стишок (*раз, два,*

три, четыре, пять – вышел зайчик погулять), идиомы (*трусливый, как заяц; бешеный заяц*) и устойчивые словосочетания (*кроличья нора; заячьё лицо*⁶).

Таким образом, анализ ответов, полученных от детей в возрасте от 4 до 7 лет, показал, что разделение двух МО – *З.* и *К.* – происходит около пятилетнего возраста, однако вплоть до 7-летнего возраста чувственное восприятие превалирует над прочими типами знаний. Последними же, по-видимому, встраиваются в структуру МО культурно-лингвистические знания, и происходит это уже в старшем дошкольном возрасте⁷.

4.3. Определение визуальных образов

Вторая часть опросника содержала 6 картинок (3 фотографии и 3 рисунка), и задача испытуемых состояла в определении животного, изображенного на картинке. Только две картинки были опознаны испытуемыми всех групп одинаково – белый *З.*, бегущий по снежному полю, был определен как *З.* практически всеми испытуемыми, кроме 3 носителей английского языка, а фотография рыжего зверька с опущенными ушами была всеми испытуемыми определена как *К.*

Однако все остальные картинки были опознаны носителями разных языков по-разному. Пять из шести картинок были опознаны носителями русского языка и русскоязычными испытуемыми, заполнявшими анкету на английском языке, одинаково. Только в одном случае – изображение Братца Кролика из книжки Джоэля Харриса «Сказки дядюшки Римуса» – последние совпали в решении с англоязычными испытуемыми, которые верно назвали героя (*К.*). Это подтверждает тот факт, что «лексикон индивида постоянно подвергается влиянию поступающей извне информации», в результате чего «синонимическая система индивида эволюционирует и саморазвивается» [Кривко 2010: 20], в частности, под влиянием культуры второго языка. Русскоязычные испытуемые опознали изображенное животное как *З.* в соотношении 17 (*З.*) к 7 (*К.*).

Анализ определения картинок оказывается достаточно интересным для вопроса о вербальности или образности нашего мышления [Стернин, Розенфильд 2008]. Испытуемые должны были опознать картинки уже после того, как сформулировали различия между *З.* и *К.*, после того, как дали определение этим понятиям и назвали типичные для них эпитеты. Однако, несмотря на близость вербальных характеристик *З.* и *К.*, данных испытуемыми в каждой из анализируемых групп, многие картинки были отождествлены ими различно (например, картинка № 3 (рисованное изображение зайца с длинными,

но повисшими ушами и морковкой), где русскоязычные испытуемые дали ответы З./К. в соотношении 14/10, русскоязычные испытуемые, заполнявшие англоязычную анкету, – 4/3; носители английского – как К. (в соотношении 1/9)). По-видимому, в мышлении вербальный компонент существует параллельно с образным, и в течение жизни визуальный образ дополняет «понятийно-логический аспект ментальной модели, формируя комплексное устойчивое восприятие, осмысление и запоминание объектов реальной действительности» [Гуревич 2009: 101], однако визуальный образ представляется первичным и более стабильным, вступая иногда в противоречие с вербально обусловленной ЯКМ.

Кроме того, сложность в отождествлении картинок подтверждает, что для большинства носителей русского языка З. и К. во многом являются синонимичными понятиями, представляющими животных одного вида (или в лучшем случае двух близких видов), единственным различием между которыми воспринимается только их место обитания – в дикой среде (З.) или в домашних условиях (К.). Такая путаница в разграничении «квазисинонимов», вероятно, является следствием того, что «близость значения вербальных единиц в сознании индивида детерминруется определенными параметрами порядка, которые отражают возраст, индивидуальное восприятие мира индивидом, его опыт, знания, психоэмоциональное состояние» [Кривко 2010: 5]; в результате испытуемые подвержены влиянию узуса, который диктует частотность употребления того или иного члена синонимического ряда.

Наиболее ярко влияние узуса проявилось в определении животных, изображенных на первой (сидящий в профиль серо-белый зверек со сравнительно небольшими ушами и маленьким хвостиком) и четвертой (иллюстрация к сказке Братьев Гримм «Заяц и Еж») картинках. Носители русского языка (все группы), указавшие в качестве наиболее частотного в их собственной речи наименования слово «З.», опознали изображенных животных как З., однако носители английского языка, которые указали в качестве наиболее частотного в их собственной речи наименования слово «rabbit», определили изображенных животных как К. То, что К. был назван зверек, изображенный на иллюстрации к сказке «Заяц и Еж» (оригинальное название – *Der Hase und der Igel*, название на английском языке – *The Hare and the Hedgehog*), показывает, что влияние узуса оказывается более существенным для восприятия визуального образа, чем энциклопедические и даже культурно-лингвистические знания.

5. Заключение

Анализ структуры МО двух близкородственных животных (З. и К.) в русской и английской ЯКМ позволил выявить специфику их восприятия носителями данных языков, а также особенности взаимодействия в структуре МО различных знаний.

Для наивного носителя русского языка основными различиями между З. и К. оказываются размер животного, размер ушей и лап, место обитания. Эти же различия являются актуальными уже для детей в возрасте 6–7 лет. Дети младшего возраста (до 5 лет) затрудняются разделить этих двух животных, указывая в качестве основного различия только особенности питания. Анализ результатов ассоциативной части опросника показал, что ядро ассоциативного поля для обоих животных составляют энциклопедические знания, в целом совпадающие с данными РАС [Караулов 2002]. Те же реакции составляют ядро ассоциативного поля у детей 6–7 лет для образа З., однако ассоциативное поле для образа К. в этом возрасте еще не сформировалось. У детей до 5 лет ассоциативные поля З. и К. совпадают и представлены исключительно чувственными эпитетами, полученными из личного опыта взаимодействия с объектом.

Таким образом, можно сказать, что МО З. и К. как двух различных животных формируются после 5-летнего возраста, однако образ З. устанавливается раньше, чем образ К., под влиянием устойчивой культурно-лингвистической традиции.

Обратная ситуация наблюдается в английской ЯКМ, где первичным оказывается образ **rabbit** (К.), который является основой понимания и толкования образа **hare** (З.), имеет более разнообразное и четкое ассоциативное поле и является более популярным героем народного фольклора, литературных и художественных произведений, устойчивых сочетаний и культурных традиций.

Проведенный анализ показал также, что первично усвоенный образ, соответствующий родному языку, является устойчивым и стабильным даже при сформировавшемся искусственном билингвизме, поскольку единственным влиянием, обнаружившимся при анализе ответов русскоязычных испытуемых, длительное время проживающих в англоязычных странах и заполнявших англоязычную анкету, оказалось увеличение числа устойчивых выражений, связанных с *rabbit*, а также уверенное узнавание изображения героя «Сказок дядюшки Римуса» Братца Кролика, что свидетельствует о приобретении дополнительной культурно-лингвистической информации к уже сформированным в рамках родной ЯКМ МО.

Однако для носителей обоих языков все эти знания оказываются нерелевантными для однозначного определения животного по внешнему виду, на которое также оказывает влияние культурно-лингвистическая информация – фольклор, литературные сказки, устойчивые сочетания и т. д. – и особенно личный опыт и узус. При упоминании того или иного объекта активизируются связанные с ним ассоциации, полученные при помощи разных органов чувств – осязания, зрения, вкуса и т. д. Наше восприятие объекта и возникающий МО зависят в первую очередь не от энциклопедических, бытовых или культурных знаний, а от чувственного восприятия, которое в течение жизни меняется и в разной степени представлено в МО объектов⁸.

Таким образом, основные различия между наивными ЯКМ носителей русского и английского языков в функционировании и формировании МО **З.** и **К.** являются следствием соотношения в его структуре различных видов знаний (энциклопедических, бытовых, культурно-лингвистических и личностных), а также традиционным предпочтением того или иного животного в качестве типичного представителя семьи зайцевых.

Примечания

¹ Термин «концепт» сейчас встречается в большинстве исследований особенностей организации знаний и понятий. Сложность его использования состоит в том, что практически каждый исследователь понимает его по-своему. Как отмечал С.Г. Воркачев (2003), концепт является неким «зонтиковым» термином, объединяющим разные типы ментальных явлений, различным образом структурирующих знания в сознании человека. В результате концепты включают в себя и представления, и образы, и репрезентации, и понятия, и фреймы, и схемы, и гештальты, и многое другое (см.: [Бабушкин 1996; Слышкин 2000] и др.). Взаимоотношения между всеми этими терминами и соответствующими им понятиями становятся объектом отдельных исследований [Касевич 2013; Стернин 2012; Ларина 2010].

² В английском языке существует еще одно наименование для этого животного – *bunny*, однако оно не рассматривалось отдельно в исследовании, поскольку не имеет прямого аналога в русском языке. Тем не менее это наименование встретилось в ответах англоязычных испытуемых (см. ниже).

³ Например, в англоязычной Википедии в перечне **З.** и **К.**, которые являются героями литературных, художественных фильмов, рекламы или мультфильмов, указано только 11 персонажей **З.**

и более 150 персонажей **К.** (https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_fictional_rabbits_and_hares).

⁴ В скобках указана частотность упоминания признака в ответах испытуемых.

⁵ Косвенным подтверждением вторичности понятия **К.** для носителей русского языка можно считать то, что одной из ядерных реакций на стимул **К.** в РАС является ответ «*заяц 15*», в то время как среди реакций на стимул **З.** **К.** встречается значительно реже [Караулов 2002].

⁶ По-видимому, подразумевалась *заячья губа*.

⁷ Вероятно, именно в этом возрасте на основе МО начинают формироваться концепты, которые, по словам Ю.С. Степанова, служат основным средством включения человека в культуру, свойственную его языку [Степанов 2004].

⁸ Ср. рассуждения об эгоцентричности языка Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995] и размышления о существовании «я-культур» и «мы-культур» В. Б. Касевича [Касевич 2013]. Различное соотношение личностных индивидуальных характеристик среди предложенных носителями разных языков эпитетов наводит на предположение о различной степени «эгоцентричности» языков, отражающейся в наивной ЯКМ, однако оно требует дополнительных исследований.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. М.: Языки русс. культуры, 1995. Т. 2. 767 с.
- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.
- Бердникова А. Г. Концепт «Благодарность» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2000. С. 34–42.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: сб. науч. работ / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки слав. культуры, 1999. 791 с.
- Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 24. С. 5–12.
- Гуревич Л. С. Ментальная визуализация абстрактных образов: когнитивные склейки // Вестник ИГЛУ. 2009. № 1(5). С. 100–105.
- Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Караулов Ю. Н. (ред.) Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. I. 784 с.; Т. II. 992 с.
- Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. М.: Языки слав. культуры, 2013. 192 с.

Кривко И. П. Специфика синонимической аттракции в лексиконе индивида: синергетический подход: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 22 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки слав. культуры, 2004. 560 с.

Ларина М. Б. К вопросу о способах структурирования знания в языке: концепт, значение, понятие, образ // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии 2010. № 1(2). URL: <http://vestnik.kuzsra.ru/articles/3/> (дата обращения: 27.03.2016).

Лебедева С. В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: дисс. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2002. URL: <http://cheloveknauka.com/blizost-znacheniya-slov-v-individualnom-soznanii> (дата обращения: 27.03.2016).

Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 380 с.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Akademia, 2000. 128 с.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2004. 982 с.

Стернин И. А. Проблема неединственности метаязыкового описания ментальных единиц в лингвистике // Лингвоконцептология и психолингвистика. Воронеж: Истоки, 2012. Вып. 5. С. 8–17.

Стернин И. А., Розенфидьд М. Я. Слово и образ. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с.

Эйсмонт П. М. Особенности усвоения глагольной аргументной структуры детьми в возрасте 6–8 лет (на материале русского и английского языков) // Онтолингвистика – наука XXI века: материалы междунар. конф., посвящ. 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А. И. Герцена. СПб.: Златоуст, 2011. С. 173–174.

Эйсмонт П. М. Семантика и синтаксис спонтанного нарратива: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 21 с.

Langacker R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1990. 395 p.

Levelt W. J. M. Accessing words in speech production: Stages, processes and representations // W. J. M. Levelt (ed.) Lexical access in speech production Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1993. P. 1–22.

References

Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy: T. 2.* [Selected Works. Volume 2]. M., Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1995.

Babushkin A. P. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka* [Types of con-

cepts in lexical-phraseological semantics of the language]. Voronezh, Voronezh St. Univ. Publ., 1996. 104 p.

Berdnikova A. G. Kontsept «Blagodarnost'» v russkoj jazykovoj kartine mira [The concept “Gratitude” in the Russian linguistic worldview]. *Problemy interpretatsionnoj lingvistiki: Mezhev. sb. nauch. tr.* [Problems of interpretation linguistics. Interacademic collection of works]. Novosibirsk, 2000.

Wierzbicka A. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov: sb. nauch. rabot [Semantic universals and language description: coll. articles]. Transl. by A. D. Shmelev. M., Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1999. 791 p.

Vorkachev S. G. Kontsept kak «zontikovyj termin» [The concept as an “umbrella term”]. *Jazyk, soznanie, kommunikatsija* [Language, Cognition, Communication]. Iss. 24. M., MAKS Press Publ., 2003. P. 5–12.

Gurevich L. S. Mental'naja vizualizatsija abstraktnykh obrazov: kognitivnye sklejki [Mental visualization of abstract images: the cognitive pastings]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [The ISLU Philological Review]. 2009. Iss. 1 (5). P. 100–105.

Zalevskaya A. A. *Psicholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected works]. M., Gnozis Publ., 2005. 543 p.

Karaulov Yu. N. (ed.) *Russkij asociativnyj slovar': V 2 t.* [Russian Dictionary of Associations: in 2 vols.]. Vol. I. M., AST-Astel' Publ., 2002. 784 p. Vol. II. M., AST-Astel' Publ., 2002. 992 p.

Kasevich V. B. *Kognitivnaja lingvistika: v poiskakh identichnosti* [Cognitive Linguistics: in search for identity]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2013. 192 p.

Krivko I. P. *Spetsifika sinonimicheskij attraksii v leksikone individa: sinergeticheskij podhod.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Specificity of synonymous attractions in an individual's lexicon: a synergistic approach. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Kursk, 2010. 22 p.

Kubryakova E. S. *Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira.* [Language and Knowledge: On the way of language acquisition: Parts of speech in terms of cognition. The role of language in understanding the world]. M., Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004. 560 p.

Larina M. B. K voprosu o sposobakh strukturirovaniya znanija v jazyke: kontsept, znachenie, ponjatie, obraz [On the ways structuring knowledge in language: the concept, meaning, notion, image]. *Vestnik Kuzbasskoj gosudarstvennoj pedagogicheskoy akademii* [Kuzbass State Pedagogical Academy Herald].

2010. Iss. 1 (2). Available at: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/3/> (accessed 27.03.2016).

Lebedeva S. V. *Blizost' znachenija slov v individual'nom soznanii*: dis. d-ra filol. nauk [The proximity of words meaning in the individual consciousness. Dr. philol. sci. diss.]. Tver, 2002. Available at: <http://cheloveknauka.com/blizost-znacheniya-slov-v-individualnom-soznanii> (accessed 27.03.2016).

Leont'ev A. A. *Deyatel'nyj um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost')* [The active mind (Activity, Sign, Person)]. M., Smysl Publ., 2001. 380 p.

Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From the text to the symbol: cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. M., Akademia Publ., 2000. 128 p.

Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. M., Akademicheskij proekt Publ., 2004. 982 p.

Sternin I. A. Problema needinstvennosti metafizicheskogo opisanija mental'nykh edinit v lingvistike [The problem of non-uniqueness of metalinguistic descriptions of mental units in linguistics and psycholinguistics]. *Lingvokontseptologija i psiholingvistika* [Linguacology and

psycholinguistic]. Iss. 5. Voronezh, Istoki Publ., 2012. P. 8–17.

Sternin, I. A., Rosenfeld, M. Ya. *Slovo i obraz* [Word and Image]. Voronezh, Istoki Publ., 2008. 243 p.

Eismont P. M. Osobennosti usvoenija glagol'noj argumentnoj struktury det'mi v vozraste 6–8 let (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) [Features of verbal argument structure acquisition by children at the age of 6–8 (in Russian and English)]. *Ontolingvistika – nauka XXI veka* [Ontolinguistics – science of the 21st century]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2011. P. 173–174.

Eismont P. M. *Semantika i sintaksis spontannogo narrativa*: avtoref. diss. kand. filol. nauk [Semantics and syntax of spontaneous narrative. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2008. 21 p.

Langacker R. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin and New York, Mouton de Gruyter. 1990.

Levelt W. J. M. Accessing words in speech production: Stages, processes and representations. *Lexical access in speech production*. Ed. by W. J. M. Levelt. Cambridge, MA: Blackwell Publishers. 1993. P. 1–22.

THE MENTAL IMAGE OF “RABBIT” IN THE NAÏVE LINGUISTIC WORLD VIEW

Polina M. Eismont

**Associate Professor in the Department of Foreign Languages
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation**

The paper deals with the problem of a mental image formation and structure, which are specific for each naïve linguistic world view. The analysis is based on a series of experiments that study mental images of “zayats” and “krolik” in Russian and “hare” and “rabbit” in English linguistic world views. The experiments involved 22 Russian-speaking adults and 17 English-speaking adults as participants. The same experiment was performed with children at the age of 4–7, and analysis of these data has shown the way of a mental image formation. The analysis conducted has proved that the understanding and structure of mental images as well as their recognition depends on cultural and linguistic information, especially on personal cultural and linguistic experience of a speaker, while the core of any mental image includes encyclopedic knowledge, which is stable and basic. Acquisition of two close mental images follows several levels, and children start differentiating them according to their own sense experience at the age of 5. At the same time, cultural and linguistic information of a mental image is acquired after the age of 6. The comparative analysis of the mental images of “zayats” and “krolik” in Russian and “hare” and “rabbit” in English has shown that the mental image of “rabbit” corresponds to both “zayats” and “krolik” in Russian.

Key words: linguistic world view; mental image; language acquisition; encyclopedic knowledge; cultural and linguistic knowledge; personal knowledge.